

Елена Тарасова

*Белорусский государственный педагогический
университет им. Максима Танка, Минск*

**Феномен дома в готической традиции
(на примере рассказов Эдгара Аллана По
и Стефана Грабинского)**

Тема дома, семьи, семейной истории – одна из основных в мировой литературе. Готическая традиция в этом плане не есть исключением, ведь образ замка-дома является в ней одним из основополагающих. В замках и родовых поместьях разворачиваются драматические события и решаются судьбы их гостей и обитателей, а пространство замков насыщено богатой символикой. Замок в готической литературе выступает как смыслообразующий и структурообразующий компонент сюжета, именно здесь герой находится во власти сверхъестественных сил, лицом к лицу со своей судьбой в его замкнутом пространстве.

Среди ранних исследований, посвященных изучению населенного призраками замка как главного элемента готического романа, следует назвать работу Эйно Райло «The Haunted Castle: A Study of the Elements of English Romanticism»¹ (1927). У автора «замок с привидениями» выступает как собирательный термин для обозначения образов и понятий в романах XVIII века. Следует также отметить научный труд Г.В. Заломкиной «Поэтика пространства и времени в готическом сюжете» (2003), где автор трактует замковый хронотоп как «капсулу времени», которая *определяет две основные формы времени в готическом сюжете – время как среду обитания и время как хронологиче-*

¹ E. Railo, *The Haunted Castle: A Study of the Elements of English Romanticism*, London 1927.

скую последовательность событий². Фундаментальное исследование феномена дома в готической литературе принадлежит Ребекке Дженикер («The Literary Haunted House: Lovecraft, Matheson, King and the Horror in Between»), где дом с призраками стирает границы между прошлым и настоящим, живыми и мертвыми, жилище является внутренним отражением живущих в нем душ. Автор работы, исследуя произведения Г.Ф. Лавкрафта, Р. Мэтисона, С. Кинга, предлагает свежий взгляд на один из самых популярных мотивов американской готики.

Понятие «дом» можно рассматривать в нескольких ракурсах. Его основные значения зафиксированы в толковых словарях – *здание, семья, очаг*. Например, С.И. Ожегов дает следующие трактовки: 1. *Жилое (или для учреждения) здание, а также (собр.) люди, живущие в нем*. 2. *Квартира, а также семья, люди, живущие вместе, их хозяйство*. 3. *Учреждение, заведение, обслуживающее какие-н. общественные нужды*. 4. *Династия, род*³. В «Мифологическом словаре» мы находим следующее толкование: *Дом – в народной культуре средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода (включая не только живых, но и предков)*⁴.

Очевидно, мотив дома в искусстве слова многопланов, дом несет сакральную функцию, это то место, где человек рождается и умирает, поэтому дом всегда являет собой границу между миром живых и мертвых, а поскольку мотив смерти является фундаментальным для готики, то образ дома не мог не воплотиться в готической литературе. Так как образ дома в сознании всегда несет позитивную окраску, то оказываясь пространством враждебным и угнетающим, он рождает резонансные чувства, в частности, чувство первобытного страха. Потусторонний мир представлен в самом доме через зеркала, портреты предков, тайные комнаты, лабиринты, подвалы. Дом насыщен историей, памятью прошлых поколений и ныне живущих. В ограниченном пространстве дома сконцентрирован огромный временной пласт разных эпох и поколений. Дом словно аккумулирует эмоции и переживания своих обитателей. С другой стороны, дом – это еще и внутреннее пространство человека, отражение его души и личности (одной из сторон

² Г.В. Заломкина, *Поэтика пространства и времени в готическом сюжете*, [online], <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/zalomkina-poetika-prostranstva.htm>, [доступ: 01.05.2017]

³ С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Москва 1986, с. 149.

⁴ А.Л. Топорков, *Дом*, [в:] *Мифологический словарь*, [online], <http://pagan.ru/slovar/d/dom0.php>, [доступ: 01.05.2017]

личности). Через призму мотива дома человек проецирует свое «Я», желания, надежды и страхи. Познание своего «Я» происходит в условиях различных ситуаций (реальных, фантастических, экстремальных), а также через общение с людьми, восприятие их мнений. Дом передается по наследству следующим поколениям, а вместе с ним передаются его тайны и судьбы прежних обитателей.

Важная особенность готического замка заключается в том, что он способствует погружению в другие временные пласты, в тайную историю дома и семьи через физические или психологические феномены (сны, галлюцинации, спиритические сеансы), которые происходят внутри дома. Литературовед Дэвид Пантер полагает, что отношение к прошлому у готики – это *соединение отталкивания и притяжения, страх перед насильем прошлого и его силой над настоящим, и в то же время тоска по многим качествам, которым это прошлое обладало*⁵ (перевод наш – Е.Т.). Сила пространства замка является хронотопической, потому что способна выступать в качестве проводника для транслирования событий тревожного прошлого в не менее тревожное настоящее. Готический нарратив сочетает в себе гнет прошлого, прорывающегося сквозь замкнутое пространство, что усиливает настроения клаустрофобии, упадка и распада.

Хронотоп, согласно М.М. Бахтину, характеризуется неразрывностью времени и пространства, при этом время занимает доминантную позицию по отношению к пространству. Пространство же *интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории*⁶. Ученый выделяет несколько типов жанровых хронотопов, отдельно отмечая хронотоп готического романа, в котором замок выступает главным местом действия. М.М. Бахтин пишет:

К концу XVIII века в Англии слагается и закрепляется в так называемом «готическом», или «черном», романе новая территория свершения романских событий – «замок» (впервые в этом значении у Горация Уолпола – «Замок Отранто», затем у Радклиф, Льюиса и др.). Замок насыщен временем, притом историческим в узком смысле слова, то есть временем исторического прошлого. Замок – место жизни властелинов феодальной эпохи (следовательно, и исторических фигур прошлого), в нем отложились в зримой форме следы веков и поколений в различных частях его

⁵ D. Punter, *The Literature of Terror. A History of Gothic Fictions from 1765 to the Present Day. Volume 2: The Modern Gothic*, New York and London 1996, p. 198.

⁶ М.М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе*, [в:] *Эпос и роман*, Санкт-Петербург 2000, с. 10.

строения, в обстановке, в оружии, в галерее портретов предков, в фамильных архивах, в специфических человеческих отношениях династического преемства, передачи наследственных прав. Наконец, легенды и предания оживляют воспоминаниями прошедших событий все уголки замка и его окрестностей. Это создает специфическую сюжетность замка, развернутую в готических романах⁷.

Замок, представляя собой замкнутое пространство, тем не менее концентрирует в себе протяженный временной коридор между прошлым, настоящим и будущим. Литературовед А.А. Пушкина отмечает:

Замкнутость и мрачность места действия является отражением и других пластов пространства в готическом романе – сюжетного и психологического. (...) Движение пространства происходит за счет его сворачивания: от открытого в замкнутое, с постепенным усилением. Это и буквальный приезд, например, в замок с дальнейшим все большим погружением в его потайные закоулки и мрачные тайны, и движение сюжета, подобное захлопывающейся ловушке, в которой постепенно всецело оказывается герой⁸.

Герой, находясь в замкнутом пространстве, острее ощущает интенсификацию и давление на него времени. Таким образом, пространство и время размываются сверхъестественным присутствием прошлого.

Место действия, пространство в готическом произведении способствует созданию гнетущей атмосферы страха. По мере эволюции жанра мотив замка претерпел трансформации, события стали разворачиваться в монастырях, на кладбищах, в фамильных особняках, соборах, домах и квартирах. Неизменным остается лишь тот факт, что герой находится во власти сверхъестественных сил, лицом к лицу со своей судьбой в замкнутом пространстве.

Дом в мифологии символизирует порядок и космос, выступает защитником от внешних опасностей, в доме человек может позволить себе быть уязвимым, отложив оружие и сняв доспехи. Дом – это точка отсчета вселенной человека с момента его рождения, дом – это продолжение самого человека, его убежище. Посредством окружающих предметов отражается психологическое состояние личности. Попытка осквернить или вторгнуться в дом вызывает чувство неподдельного

⁷ Там же, с. 179–180.

⁸ А.А. Пушкина, *Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре*, «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина» 2015, № 2, с. 322.

ужаса, а оскверненный дом становится самым страшным кошмаром его обитателей. Дом выступает связующим звеном с внешним миром, являясь в определенном смысле репликой внешнего мира, уменьшенной до размеров человека⁹. Жилище противопоставляется окружающему миру как закрытое-открытое, внутреннее-внешнее, безопасное-опасное место. Так, например, З. Фрейд в эссе «Жуткое» (1919) предпринял попытку дать определение понятию «жуткое» через сравнение толкования термина в разных языках и словарях. Этимология слова «жуткое» (нем. *unheimlich*) является противоположностью словам «уютное» (*heimlich*), «родное» (*heimisch*), в основе которых лежит понятие *дом*. Как отмечает автор, *самым жутким кажется многим людям то, что связано со смертью, покойниками, с возвращением мертвых, с духами и с привидениями. Более того, мы узнали, что некоторые современные языки наше выражение “жуткий дом” могут передать не иначе как с помощью описания “дом, в котором нечисто”*¹⁰.

В современном мире мегаполисов, разрушающийся и приходящий в упадок средневековый замок с окружающими его ландшафтами, характерный готическим произведениям XVIII века, трансформировался в особняки, квартиры, темные лабиринты улиц, где обитает бесчисленное количество незнакомцев, а традиционные призраки зачастую становятся метафорой навязчивых состояний травмированной психики. Жуткое и сверхъестественное через мотивы отчуждения и изоляции героев продолжает существовать и в современной готической литературе. Кризис физический и психологический, дисбаланс внутренней гармонии «Я–дома» внутри личности и сегодня порождает чувство ужаса.

С темой «внутреннего дома» тесно связан мотив «темного двойника», который занимает отдельное место в творчестве американского писателя Э.А. По. «Я» человека не является статичным, оно динамично, и представление о самом себе формируется через общение с другими. Архетип двойника возник еще в архаическом мифе, его корни присутствуют в «близнечных мифах». Расщепленность собственного «Я», присутствие «Другого», темной стороны души ощущались человеком во все времена и широко распространены в литературе и искусстве, что проявилось в таких символах дихотомии как зеркальное отражение, близнецы, тень. Зачастую тема двойничества в литературе связана

⁹ Т. В. Цивьян, *Дом в фольклорной модели мира (На материале балканских загадок)*, [В:] *Семиотика культуры. Труды по знаковым системам X*, Тарту, 1978, с. 68.

¹⁰ З. Фрейд, *Жуткое*, [online], <http://freudproject.ru/?p=723>, [доступ: 01.05.2017]

с оппозицией «жизнь–смерть», мотив двойника присутствует в творчестве У. Шекспира, А. Шамиссо, Р.Л. Стивенсона, Э.Т.А. Гофмана, Э. По, У.Э. По. Тема раздвоения сознания наблюдается в рассказах «Вильям Вильсон», «Черный кот», у польского писателя С. Грабинского тема двойника представлена рассказами «Проблема Челавы», «Искоса», «По касательной».

Стефан Грабинский считается одним из основоположников польской фантастической литературы. В основе многих оригинальных новаторских рассказов автора лежат психологические и философские проблемы. Через таинственный мир сверхъестественного писатель остро ставит животрепещущую проблему осознания человеком собственно «Я» в технократической цивилизации.

Рассказ «Искоса» знакомит читателя с неким Юзефом Бжехвой, который, по словам рассказчика, является полной его противоположностью: *Трудно найти столь несхожих – я и он – людей во всем: в манерах, склонностях, в отношении к миру. Во всем живая мне антитеза, он вызывал непреодолимое отвращение, и ни за что на свете мне не удалось бы с ним примириться*¹¹. Бжехва, угадывая желания и намерения рассказчика, следует за ним повсюду и тем самым вызывает необъяснимый страх: *Мало-помалу подкрался суеверный страх – признаюсь, я страшился, не демон ли Бжехва, не мой ли злой дух. Кошачьи повадки, непристойно и многозначительно подмаргивающий правый глаз, особенно же леденящие, неведомой угрозой косящие зрачки сковывали душу неизъяснимым ужасом и вместе с тем вызывали яростное негодование* (С.Г.). Рыжий цвет волос Бжехвы как бы намекает на его принадлежность к чему-то таинственному и демоническому, ибо рыжеволосые люди издавна считались наделенными сверхъестественной силой.

Бжехва в рассказе выступает полным антиподом рассказчика, ему чуждо проявление индивидуальности, творческой мысли, неординарности мышления: *Я страстно поклонялся всему самобытному, оригинальному, неповторимо прекрасному; Бжехва не терпел любое проявление индивидуальности, субъективное низводил до химеры самонадеянных глупцов; отрицал творческий импульс, изобретательность и все сводил к влиянию среды, расы, так называемого духа време-*

¹¹ С. Грабинский, *Искоса*, [в:] *Избранные произведения в 2 томах, т. 1. Саламандра*, [online], http://royallib.com/book/grabinskiy_stefan/izbrannnie_proizvedeniya_v_2.tomah.tom.1_salamandra.html, [доступ: 01.05.2017]. Далее при ссылке на этот источник в скобках указывается: С.Г.

ни и тому подобному (С.Г.). Бжехва спорит с рассказчиком о том, что в человеке сразу несколько ипостасей сражаются за то, чтобы обладать его душой: *в каждом человеке несколько индивидов тузят друг друга за обладание жалкими останками какой-то там души* (С.Г.). Бжехва проявляет тягу к спорту и состязательности, он игнорирует научные познания, провозглашая, что *ничего нет нового под солнцем* (С.Г.), герою близки идеи книги Екклезиаста о вечном круговороте во Вселенной и бренности человеческого существования. Но тут же рассказчик отмечает, что *Бжехве не откажешь в уме – его сарказмы снискали немалый успех* (С.Г.).

Разорвать тягостные отношения рассказчику удается лишь после смерти ненавистного антагониста, причиной гибели которого невольно оказался сам рассказчик. Раненый в голову Бжехва погибает на дуэли, а рассказчик таинственным образом слег с воспалением мозга:

Болезнь затянулась на месяцы; когда героическими усилиями врачей, постоянно опасавшихся рецидива, наконец поднялся с одра болезни, я сделался совсем другим человеком. Характер изменился неузнаваемо в угоду чуждому мне, даже враждебному произволу. Былые увлечения, благородная страсть к прекрасному и возвышенному, восприимчивость к тончайшим нюансам оригинальности – все исчезло бесследно. Остались лишь – загадочный штрих – воспоминания о том, что некогда эти прекрасные движения души доставляли мне величайшее наслаждение, да еще страдание, причиняемое страшной метаморфозой. (...) В теории я оставался тем же, кем был некогда, и с негодованием следил за другим – прилудным чужаком: он, словно вор, проник в тайная тайных моей души и бессовестно вышвыривал вон достояние драгоценное, подменяя его суррогатом (С.Г.).

Таким образом, Бжехва из материальной сферы перешел в сферу психологическую, вытеснив сознательное «Я» рассказчика, который, уединившись в тихом доме на окраине города, пытается обрести былую внутреннюю гармонию: *В полном одиночестве, ничем не нарушаемой тишине, мне удавалось, пусть на ничтожно малое мгновение, сконцентрировать прежнюю сущность, освободиться от назойливого вмешательства узурпатора* (С.Г.). Но враждебная сущность Бжехвы постепенно брала верх над повествователем. В моменты *интенсивного внутреннего поиска* (С.Г.) он отмечает странные шорохи за стеной, где никто не жил: *Когда удавалось углубить процесс высвобождения и я ощущал себя более независимым от чужеродного влияния, чем обычно, звуки усиливались: что-то беспокойно сновало, билось в замкнутом пространстве вдоль стены, в бессильной ярости металось из угла в угол* (С.Г.).

У героя-повествователя возникает решение пробить стену и выяснить причину таинственных шорохов. Нагнетанию психологического напряжения способствует и готический пейзаж: *Дождило, мир погрузился в унылую осеннюю слякоть. Ранние сумерки пряли на узких пригородных улочках серые нити густого тумана, сочлились сквозь слезящиеся решета обнаженных деревьев. Редкие фонари, будто погребальные свечи, отбрасывали желтые полосы, умиравшие в набухшем сыростью пространстве. Мокрые, осклизлые возы тащились по дороге, кляца продетыми в колеса цепями...* (С.Г.).

В очередной попытке вернуть истинное «Я» рассказчик, услышав шорохи за стеной, ломает перегородку. Рубленые фразы, оканчивающиеся многоточием, заставляют читателя застыть в высшей точке напряжения. Существом за стеной оказался Бжехва:

Он стоял безмолвный, лишь шевелились кончики усов. Внезапно нагнулся, сдавил меня руками, навалился... и вошел, вторгся в меня... Оглушенный, я выбежал в комнату, схватил со стола лампу и снова ворвался в пролом. Пустота. Никого. Паутина, на стенах потеками холодных слез ползет сырость. Вдруг что-то захрипело, засипело, захлебываясь, завывало... Господи, что это?! – Хе-хе-хе! Хи-хи-хи! Ха-ха-ха-а-а!!! – эхом билось об стены (С.Г.).

Такими словами польский писатель заканчивает рассказ.

Бжехва выступает в рассказе дьяволом-искусителем, второй половиной «Я»-рассказчика, не зря Бжехва говорит: *И вообще ни я вас не могу оскорбить, ни вы меня. Видите ли, дорогой мой, ведь не в состоянии же вы дать пощечину самому себе. Мы с вами едины...* (С.Г.). Тайное пространство за стеной комнаты – это подсознание рассказчика. Заточение в комнате в попытках поисков своего «Я» привело героя к изоляции. Смерть Бжехвы символична, убивая часть себя, человек разрушает целостность личности, ведь именно наличие антагониста позволяло рассказчику осознавать, кто он есть на самом деле и что определяет его сущность.

Американский писатель Э.А. По делает упор на психологической составляющей ужаса, он создал *тщательно описанные, но предельно туманные края “где-то там”, что позволило сместить фокус с географии – на человеческий разум*¹². Подобного рода смещение из сферы

¹² С.Т. Джоши, Г.Ф. Лавкрафт: Жизнь, [online], http://samlib.ru/f/fazilowa_m_w/joshi3.shtml, [доступ: 01.05.2017]

внешнего ужаса к внутреннему не дает однозначного толкования происходящих событий: являются ли они порождением сверхъестественных сил или принадлежат психологической сфере, где игра воображения создает новую реальность.

Одним из ярких рассказов, посвященных теме двойничества, является рассказ Э.А. По «Вильям Вильсон». Главная тема его страшных или психологических рассказов – столкновение человеческого сознания с бесчеловечными тенденциями цивилизации и вытекающие из этого патологии личности, болезни души. В творчестве Э. По особое внимание уделяется чувству страха: страх смерти, безумия, одиночества. Исследователи отмечают, что в рассказах Э. По рассказчик и герой – это одно лицо. Рассказчик-герой с раздвоенной личностью и совершает поступки, и анализирует их. В рассказе «Вильям Вильсон» присутствуют два сознания – нравственное и безнравственное. Они обретают свои физические оболочки, объединяет их лишь общее имя, возраст и внешность. Рассказ Э. По обрамлен своеобразной рамкой, рассказчик хочет поведать о *неслыханном позоре*¹³. Он описывает идиллическую местность, где провел детство: *Самые ранние мои школьные воспоминания связаны с большим, несуразно построенным домом времен королевы Елизаветы, в туманном сельском уголке, где росло множество могучих шишковатых деревьев и все дома были очень старые. Почтенное и древнее селение это было местом поистине сказочно мирным и безмятежным* (20). Но тут же поясняет, что *мирный и безмятежный* уголок был для него тюрьмой:

Эти, совсем тюремные, стены ограничивали наши владения, мы выходили за них всего трижды в неделю – по субботам после полудня, когда нам разрешали выйти всем вместе в сопровождении двух наставников на недолгую прогулку по соседним полям, и дважды по воскресеньям, когда нас, так же строем, водили к утренней и вечерней службе в сельскую церковь. (...) Из угла массивной ограды, насупись, глядели еще более массивные ворота. Они были усажены множеством железных болтов и увенчаны острыми железными зубьями. Какой глубокий благоговейный страх они внушали! (21)

Причудливое описание дома-пансиона с запутанными переходами, неожиданными закоулками и бесконечными лабиринтами ассоциируется с сознанием самого человека. Именно в этом готическом доме проис-

¹³ Э.А. По, *Вильям Вильсон*, [в:] *Собрание сочинений*. В 4 т., Москва 1993, т. 2, с. 19. Дальше при ссылке на это издание в скобках указывается страница.

ходит становление личности героя-рассказчика и его встреча со своим двойником:

Мой тетка позволял себе соперничать со мною в классе, в играх и стычках на площадке, позволял себе сомневаться в моих суждениях и не подчиняться моей воле – иными словами, во всем, в чем только мог, становился помехой моим деспотическим капризам. Если существует на свете крайняя, неограниченная власть, – это власть сильной личности над более податливыми натурами сверстников в годы отрочества (24).

Особый интерес представляет собой встреча рассказчика со спящим двойником. Герой прокрадывается ночью в спальню своего соперника. Переступив порог комнаты, он словно пересек черту между внутренним и внешним миром. Жуткий ужас от поразительного сходства спящего с самим собой охватывает героя.

Покинув пансион, герой повествует о своем моральном падении. Убийство соперника на дуэли свидетельствует об их двойственной сущности: *Ты победил, и я покоряюсь. Однако отныне ты тоже мертв – ты погиб для мира, для небес, для надежды! Мною ты был жив, а убив меня, – взгляни на этот облик, ведь это ты, – ты бесповоротно погубил самого себя!* (37). Отождествление себя с двойником и в то же время отрицание этого факта порождает чувство неполноценности своего «Я», его раздвоенности, подмены своего «Я» чужим.

В рассказе «Серая комната» С. Грабинского действие происходит на съемной квартире, именно она выступает источником необъяснимой тревоги рассказчика. Начало произведения (*Новое жилье не принесло мне облегчения*¹⁴) говорит о том, что события будут разворачиваться неблагоприятным образом. Художественный прием рамки создает напряжение и настраивает читателя на драматическое повествование. Рассказчик констатирует: *Однако через несколько дней в только что нанятой комнате я, увы, убедился – новое убежище еще хуже, а беспокойные симптомы лишь обострились, тревожили и угнетали сильнее, чем прежде* (С.К.). Автор отмечает тревожное состояние и пытается обнаружить источник беспокойства. По странному стечению обстоятельств выясняется, что комнату рассказчика снимал некий Ланьцута – тот же человек, который проживал до него и на предыдущей

¹⁴ С. Грабинский, *Серая комната*, [в:] Избранные произведения в 2 томах. Том 2. Тень Бафомета, [online], http://royallib.com/book/grabinskiy_stefan/izbrannye_proizvedeniya_v_2_tomah.tom_2.ten_bafometa.html, [доступ: 01.05.2017]. Дальше при ссылке на этот источник в скобках – С.К.

квартире. Герой не связан с жильцом ни кровными, ни дружескими узами, он выступает в качестве беспристрастного наблюдателя и фиксатора событий. Рассказчик отмечает, что *оба жилища, если можно так выразиться, впитали в себя душу этого человека* (СК).

Рассказчик дает понять, что дом находится в тесной связи с духовной стороной личности:

Наше постоянное событие, с определенным местом, долгое пребывание в определенной среде, органический ли это и безлюдный мир, или мир, “населенный” лишь так называемыми предметами мертвыми, через некоторое время неизбежно вызывает взаимное притяжение и взаимное воздействие. Кристаллизуется нечто вроде неуловимого симбиоза, последствия его нередко сохраняются долгое время и после разрыва непосредственного контакта. Некая психическая энергия живет после нас в привычных местах и вещах. Флюиды таких взаимовлияний, тончайшие воспоминания о былом еще долго, годами, а может, и веками, таятся в подобных местах, неприметные глазу равнодушных и, тем не менее настолько явственные, что время от времени, бесспорно, дают о себе знать (СК).

Квартира-дом у С. Грабинского выступает приемником старинных замков с душами их предков: *Люди всегда благоговейт перед старинными замками, заброшенными, покинутыми домами, забытыми памятниками прошлого. Ничто не исчезает и ничто не минует бесследно; в опустелых стенах, безлюдных, пустынных галереях неизменно отзывается эхо ушедших лет...* (СК). Интрига рассказа в том, что присутствие Ланьцуты ощущается в новой квартире сильнее, чем в прежней. Рассказчик пытается найти этому логическое объяснение в *сильном душевном расстройстве* героя. Описание комнаты служит подтверждением всеобщей атмосферы апатии и угнетения, отражает внутреннее состояние жильца Ланьцуты: *в комнате возобладала тихая, безнадежно скорбная меланхолия. Меланхолией веяло от пепельно-серой обивки стен, от стального оттенка плюшевых кресел, от картин в серебряных рамах. Меланхолия насыщала самый воздух, рассеянная мириадами неуловимых атомов, она почти физически тонким флером обволакивала интерьер. Грустная, серая комната...* (СК).

Тонкий намек на присутствие сверхъестественного вводится через мотив сновидения. Ланьцута с меланхоличным взглядом меряет шагами комнату, садится за письменный стол, что-то пишет, снова ходит по комнате, но избегает угла, где стоит шкаф. Сон в рассказе следует трактовать как существующий параллельный мир. Повторяющиеся сновидения повествователя являются отражением души квартиры. Мистическая тайна жилища угнетает героя-рассказчика, и он решает

постепенно заменить мебель, чтобы избавиться от всякого напоминания о ее былом обитателе, нетронутым остались лишь шкаф и зеркало в углу. Призрак Ланьцуты, являвшийся рассказчику в сновидениях, поблек, представал словно в тумане. Нежданно он снова увидел незваного гостя во сне: *Вся фигура вырисовывалась отчетливо, он стоял, как обычно сгорбившись, спиной ко мне, протянул руку к дверце шкафа, повернул ключ и открыл. Постоял, глядя в зияющую пустоту, ощеренную крюками вешалки – ровными рядами деревянных зубьев. Медленно, спокойно и задумчиво он вытаскивал из кармана не то шнур, не то ремень и забросил на крюк; свисающий конец стянул петлей и накинул себе на шею. Не успел я уразуметь, в чем дело, он уже висел. Тело, подброшенное смертной судорогой, странно изогнулось и отразилось в зеркале на соседней стене. Я отчетливо видел лицо висельника: он кривился ядовитой ухмылкой и смотрел прямо на меня...* (СК).

В рассказе нет явного присутствия сверхъестественного. Страх и состояние тревоги, свойственные готическому стилю, проявляются через призму ощущений героя-рассказчика. Образ замка заменила квартира, она стала тем замкнутым пространством, где разыгралась жизненная драма. Все содержимое комнаты запечатлело состояние души и разума ее предыдущего обитателя. Мир потустороннего представлен в рассказе через мотив сна, который выступает символом пограничного состояния между жизнью и смертью и позволяет рассказчику погрузиться в тайны жилища и стать безмолвным наблюдателем трагедии, разыгравшейся в комнате.

Таким образом, динамичность и пластичность образа дома привели к тому, что постепенно в готической литературе пространство дома смещается в психологическую сферу, в сферу подсознания. Дом олицетворяет убежище, порядок, родовое гнездо, дом является частью сознания человека, неотъемлемой проекцией его «Я»-личности. Через образ дома С. Грабинский вслед за Э. По развивал в мировой литературе тему многогранности личности и ее болезненных трансформаций в быстро меняющемся мире.

ЛИТЕРАТУРА

Punter D., *The Literature of Terror. A History of Gothic Fictions from 1765 to the Present Day. Volume 2: The Modern Gothic. Revised 2nd Edition*, New York and London 1996.

- Railo E., *The Haunted Castle: A Study of the Elements of English Romanticism*, London 1927.
- Бахтин М.М., *Формы времени и хронотопа в романе*, [в:] *Эпос и роман*, Санкт-Петербург 2000.
- Джоши С.Т., *Г.Ф. Лавкрафт: Жизнь*, [online], http://samlib.ru/f/fazilowa_m_w/joshi3.shtml, [доступ: 01.05.2017].
- Заломкина Г.В., *Поэтика пространства и времени в готическом сюжете*, [online], <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/zalomkina-poetika-prostranstva.htm>, [доступ 01.05.2017].
- Ожегов С. И., *Словарь русского языка*, Москва 1986.
- По Э.А., *Вильям Вильсон*, [в:] *Собрание сочинений в 4 томах*, Москва 1993, т. 2.
- Пушкина А.А., *Готический роман и зарождение неоготического направления в культуре*, «Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина» 2015, № 2.
- С. Грабинский, *Ископа*, [в:] *Избранные произведения в 2 томах, т. 1. Саламандра*, [online], http://royallib.com/book/grabinskiy_stefan/izbrannie_proizvedeniya_v_2_tomah_tom_1_salamandra.html, [доступ 01.05.2017].
- С. Грабинский, *Серая комната*, [в:] *Избранные произведения в 2 томах. Том 2. Тень Бафомета*, [online], http://royallib.com/book/grabinskiy_stefan/izbrannie_proizvedeniya_v_2_tomah_tom_2_ten_bafometa.html, [доступ 01.05.2017].
- Топорков А.Л., *Дом*, [в:] *Мифологический словарь*, [online], <http://pagan.ru/slowar/d/dom0.php> [доступ 01.05.2017].
- Фрейд З., *Жуткое*, [online], <http://freudproject.ru/?p=723>, [доступ 01.05.2017].
- Цивьян Т. В., *Дом в фольклорной модели мира (На материале балканских загадок)*, [в:] *Семиотика культуры. Труды по знаковым системам X*, Тарту 1978.

STRESZCZENIE

FENOMEN DOMU W TRADYCJI GOTYCKIEJ
(NA PRZYKŁADZIE OPOWIADAŃ A.E. POE I S. GRABIŃSKIEGO)

Artykuł omawia motyw domu/domu-zamku, fundamentalny w gotyckiej tradycji literackiej. Na przykładzie opowiadań A.E. Poe i S. Grabińskiego pokazano, że motyw domu jest ściśle związany z duchowością życia bohaterów. Kryzys fizyczny i psychologiczny, naruszenie wewnętrznej harmonii „Ja – dom” mogą doprowadzić do przemiany, degradacji jednostki, mogą wywołać przerażenie.

Słowa kluczowe: gotyk, fenomen domu, zamek, transformacja, nadprzyrodzone, przerażenie.

S U M M A R Y

THE PHENOMENON OF THE HOUSE IN GOTHIC TRADITION
(BASED ON STORIES BY EDGAR ALAN POE AND STEFAN GRABINSKI)

The article is devoted to the motif of a house in Gothic literary tradition, where the image of the castle-house is fundamental. Based on an example of stories by E.A. Poe and S. Grabinski it is shown that the motif of a house is closely connected with main characters' spiritual life. Physical and psychological crisis, inner harmony imbalance of "I – home" can lead to the transformation of an individual, to his degradation, it can induce the feeling of horror.

Key words: Gothic style, house phenomenon, castle, transformation, supernatural, horror.